

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 5 (856)

26 января 1940 г., пятница

Цена 30 коп.

Редактор Лейкин и сотрудник Антоша Чехонте

I

Лейкин писал рассказы, сценки, повести, романы, — все смешные, писал ежедневно,

кроме воскресных и праздничных дней.

— У меня двадцать тысяч рассказов, — говорил Лейкин таким тоном, каким помещики говорят: у меня двадцать тысяч десятин.

В 30 лет он был известным юмористическим писателем и церковным старостой. В 40 лет он был домовладельцем, гласным городской думы, членом правления кредитного общества и редактором-издателем «Осколков».

Он любил свой журнал очень хозяйской и очень наивной любовью. С большой гордостью Лейкин говорил, что за напечатанные в виде приложения к «Осколкам» ноты он заплатил капельмейстеру «Русского купеческого общества для взаимного вспоможения» 30 рублей.

Если какая-нибудь рукопись для «Осколков» не подходила, Лейкин говорил:

— Это не под кадрили.

Над выражениями Лейкина посмеивались. Это совсем не заботило Лейкина. Наоборот, ему очень нравилось, что он, известный писатель, автор многих книг, редактор популярного журнала, похож на торгового человека. Право же, слишком много появилось в русской литературе бледных личностей!

Просьбы сотрудников о прибавке гонорара каждый раз неприятно волновали его.

— Характерная просьба, — бормотал он, и лицо у него краснело.

Лейкину казалось, что просят сотрудники прибавку не из-за желания получить побольше денег, а из-за желания припугнуть, напомнить о том, что можно взять да уйти в другой журнал.

Сидя в редакции «Осколков», он вдруг вскрикивал: «душно!» и бросался к окну. Потом, успокоившись, просматривал юмористические рисунки и фельетоны.

Эти подозрения заставляли его уступать, он прибавлял еще одну копейку за строку, но чтобы уравнивать бюджет, писал сам в «Осколках» вдвое больше — ведь собственный материал был бесплатным.

В летние вечера, вернувшись на дачу из города, Лейкин поливал цветы, стараясь нагнуться над ними пониже.

— Чтобы похудеть, — задыхаясь, объяснял он гостям. — Странное дело: толстею в брюхо.

II

У него были свои любимые герои: купец первой гильдии Волкодавов, домовладелец Мутиков, подрядчик по строительной части Купоросов, торговец мясом Бурякин.

В рассказах Лейкина они заседали в кредитном обществе, играли в преферанс, кутили в «Малом Ярославце», неодобрительно говорили о евреях...

Описывал их Лейкин как будто очень натурально, совсем похожими на знакомых ему купцов, домовладельцев и подрядчиков: те же бороды и сюртуки, те же выражения и мысли. Лейкин знал, какие словечки надо вставлять, чтобы речь героев смешила и звучала почти естественной.

Когда Антоша Чехонте читал Лейкина, ему свои собственные рассказы начинали казаться искусственными, шаржированными. Антоша Чехонте не подозревал, что в этой шаржированности было настоящее искусство. Но он уже замечал, что в натуральности лейкинских рассказов заключалось что-то сырое и принижающее. Книжки Лейкина словно были написаны человеком, который в томительно жаркий полдень сидит без пиджака, в полтяжках за самоваром, пьет чай и наблюдает, что делается в окошке напротив: кажется, там тоже сидят за самоваром и пьют чай.

Лейкин нравился тем, кого он описывал. Нравился Лейкин и Александру III. Царя очень привлекали лейкинские описания крестин, свадеб, разговений, именин, блинов. Эти места царь по вечерам читал вслух своей семье. Лейкин гордился успехом во дворце особенно потому, что считал себя писателем либерального направления: значит, настоящий талант может примирить с либеральными идеями даже Александра III...

Писателей, бескорыстных в искусстве и неразлучных с бедностью, Лейкин находил людьми неполной жизненной цены. Он жалел их, точно горбунов, — с приятным сознанием своего верного устройства. Конечно, его очень огорчало, если кто-нибудь из прославленных беллетристов дурно отзывался об его сочинениях. Но этим дурным отзывам Лейкин никогда не удивлялся: он искренно полагал, что такие писатели, как Достоевский, Успенский и Гаршин, — бездомные, всегда кругом в долгах, — не могут не завидовать ему, юмористу Лейкину, владельцу дворца графа Строганова на Неве. И то, что иные писатели рвут и сжигают свои рукописи, заболевают тоской, кончают самоубийством, не оставляя даже предсмертных за-

А. РОСКИН

писок. Лейкин объяснял все той же натуральной завистью к тем, кому, благодаря счастливому складу, удалось превра-

тить свой талант в источник больших, правильно поступающих доходов и ровной, ничем не дергающей известности.

III

У Лейкина было чутье, и оно заменяло ему понимание искусства. Чутье подсказывало Лейкину, что Антоша Чехонте талантлив. Он охотно прощал любую неудачу Антоше Чехонте, если только убеждался в добросовестном желании этого студента-медика быть юмористичным.

Когда Чехов послал в «Осколки» рассказ об унтере Пришибееве, Лейкин поморщился: нет, Антоша Чехонте решительно начинает гнуть не туда, куда нужно. «Осколки» — не какие-нибудь «Отечественные записки». Да и не в одних «Осколках» дело: не вытанцовываются у Антоши Чехонте рассказы на гражданские темы, напрасно тянется он за Щедриным. Сухо и длинно.

К счастью, цензура запретила «Осколкам» напечатать этот рассказ Антоши Чехонте. В глубине души Лейкин был доволен: он мог вернуть рассказ Чехову, не портя отношений с автором.

Лейкин очень любил напоминать о программе своего журнала: давать читателю юмор, только юмор и всегда юмор; писать коротко, как можно короче — не только потому, что в журнале мало места, но еще и потому, что длинное само по себе выглядит похожим на серьезное; сальце подпускать осторожно, ибо подписчик «Осколков» большей частью человек семейный, имеет жену и дочерей.

Лейкин требовал, чтобы Антоша Чехонте от этой программы не отступал.

Только юмор... Лейкин забраковал рассказ «В Москве на Трубе». В юмористическом журнале легонькими описаниями не возьмешь, здесь нужна не этнография, а настоящее остроумие, то, что Лейкин любил называть «вывертом».

Писать коротко... Чехов старался уложиться в 70—80 строк. Из рассказа «Экзамен на чин» Чехов выбросил самую суть, сознавая, что портит рассказ.

Не допускать откровенной сальности... Под этим предлогом Лейкин забраковал не один чеховский рассказ. Упрекать за это Лейкина как будто нельзя. Но все дело в том, что Лейкин понимал под непристойностью предметы, которые не принято изображать в юмористической литературе.

Женщины в цилиндрах и одних панталонах, уляпные рыбы, не казались Лейкину непристойностью. Такого рода рисунки были приняты в юмористических журналах. Когда же Чехов написал рассказ о том, как в веселом заведении мадам Дуду поручик сталкивается с военным писарем из своей канцелярии, Лейкин заволновался.

Чеховский рассказ «Ворона» вышел правдивым и жестким и в этой правдивости и жесткости — целомудренным.

Лейкин прочел «Ворону» и понял только то, что Чехов не удержался и сочинил похабный рассказ.

Лейкин выбросил из него все, что казалось ему слишком резким. Зато другой рассказ Чехова — «Добрый немец» — о том, как мастер Иван Карлович Швей, вернувшись домой, увидел свое место в спальне занятым каким-то громадным мужчиной с длинными усами, Лейкин напечатал с восторгом. «Доброго немца» Лейкин считал самым лучшим рассказом Антоши Чехонте.

IV

Лейкин прибавил Антоше Чехонте построчный гонорар и решил, что есть также расчет выдать ему авансы в 50, даже 100 рублей. Решив так, Лейкин считал уже Чехова навсегда запроданным «Осколкам». Непрерывно получал Чехов от Лейкина заказы:

«Слезно молю о высылке разных литературных «разностей»... «Буду печатать ваши рассказы по штучке»... «Рассказов на затычку присылайте время от времени»... «К лету заведите дачную шарманку»...

И Чехов писал и штучные рассказы, и рассказы на затычку, и рассказы к дачному сезону, и разные литературные разности.

Но он уже знал, что в искусстве жертвы скорее необходимы, чем неизбежны. Он знал уже, что без этой готовности к жертвам нет и не может быть художника.

Чехов написал рассказ «Открытие».

Герой рассказа статский советник Бахромкин ложится спать с счастливой мыслью о том, что, во-время зарыв в себе художественный талант, он не оказался в числе тех, кто вынужден обходиться в жизни без лакеев и чеховой княжки.

О том, что путь пишущего был усеян не розами, а гвоздями, Чехов уже хорошо знал. Но это ведь понимал и старший советник Бахромкин. Гораздо важнее было другое: знание того, что художник не только чаще всего лишен сытого существования, но и не имеет права на это сытое существование. Это Антоша Чехонте уже знал.

Отрывок из второй части книги «Антоша Чехонте».